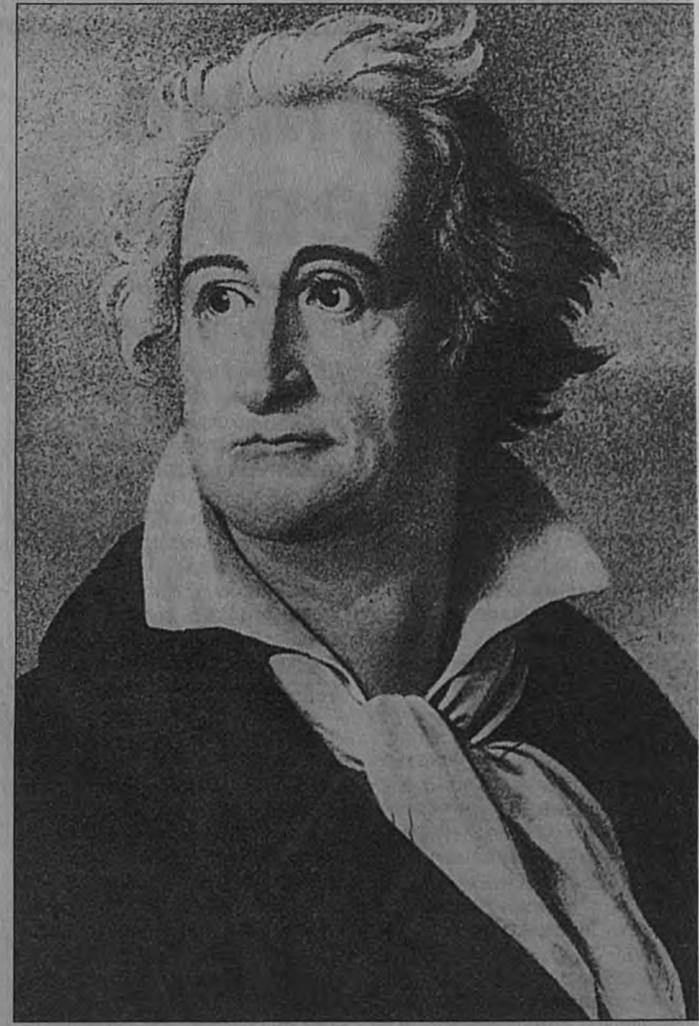

Избирательное сродство

28 августа мир отмечает 250-летие Иоганна Вольфганга Гете

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

В свое время гениальный газетчик Гилберт Кит Честертон (в нынешнем году исполняется 125 лет со дня его рождения — ровно половина гетевского «срока») напечатал эссе в защиту фарфоровой пастушки. Самое время подхватить его мысль и составить похвальное слово юбилейному кичу — тем более что Гете о пастушках написал немало, а майсенский фарфор занимал в его веймарском доме достойное место.

Да, в нынешнем году немецкие интеллектуалы потешались над бюргерским культом великого соотечественника не меньше, чем наши — над мешанским почитанием Пушкина. Но положи руку на сердце разве это почитание, этот культ не служит лучшим доказательством актуальности русского и германского классиков? Чужака не опошлишь, не превратишь в элемент массового обихода; а тросточка с набалдашником в виде головы Гете и водочный графинчик в форме пушкинского бюста, пепельница с бородкой Мефистофеля и шоколад с героями пушкинских сказок — опознаваемые элементы немецкой и российской

реальности. Кстати сказать, наши курильщики тоже всегда охотно прибегали к услугам чугунного Мефистофеля; и это приспособление образов Гете к отечественным бытовым нуждам по-своему сигнализирует об особенно теплом отношении русских читателей к первому поэту Германии туманной. В Корсара пепел не стряхнешь. От огня Прометей не прикуришь.

Конечно, легко возразить: культ классики создается во многом искусственно; тут подключаются мощные пропагандистские механизмы, включая школьное образование. Так-то оно так, да не совсем. *Навязать* обществу некую иерархию имен, *внушить* желаемое (выгодное, удобное) представление о «списочном составе» классики можно — большинство из нас знает это по своему собственному опыту. Однако действие гипноза быстро улетучивается.

На столе у одной из моих незабвенных начальниц лежала бумажка с четкой инструкцией: «Пушкин А.С. Величайший русский писатель... Лермонтов М.Ю. Великий русский поэт... Чернышевский Н.Г. Гениальный революционер-демократ. Горький М. Великий пролетарский писатель... Леонов Л.М. Замечательный

советский прозаик». Путь звания было запрещено. Наверное, и Гете значился в этом поминальнике (впрочем, первый министр герцогства Веймарского и Эйзенхехского вряд ли стал бы возражать против этого чиновничества: он знал толк в ранжирах). Несколько поколений журналистов вдолбляли означенный список в мозги читателей — и, казалось, вдобавили. Но едва повеяло свободой, как жесткая схема дала трещину и в конце концов распалась. Леонов там, где и должен быть; Чернышевский понижен в звании, однако не разжалован окончательно; Добролюбов отправлен в отставку без сохранения содержания. А вот Пушкин, Лермонтов, Гете остались с нами.

Благодаря чему? Если говорить о немецкой классике, то во всяком случае не благодаря переводам, а вопреки им. С его прозой дело в России обстоит не так уж и плохо; «Фауст» в пастернаковском переложении осовременен до невозможности, но все-таки это великолепные стихи. А сцена, в которой старый дурак Фауст жертвует жизнью Филемона и Бавкиды ради торжества великого замысла, «подсвеченная» в переводе Пастернака лагерной темой, просто спо-

собна тронуть до слез. Но что касается лирики — тут хоть святых выноси. Только баллады в вариациях Жуковского да лермонтовские «Горные вершины» удобочитаемы; почти все остальное — следствие советского строчкогонства.

Нет, дело тут, кажется, в другом. Есть у автора «Страданий юного Вертера», и впрямь потрясших культурную Европу, куда менее известный и оттого не менее гениальный роман «Избирательное сродство» (1809); он вырос из замысла вставной новеллы к циклу романов о Вильгельме Мейстере. Четыре героя — Эдуард и его жена Шарлотта, их друг капитан и племянница Оттилия читают на досуге философическое сочинение о тайной силе взаимного притяжения и отталкивания, заключенной в природных веществах. И сами не замечают, как сила *избирательного сродства* завладевает ими; они попарно влюбляются друг в друга (Эдуард в воспитанницу, Шарлотта в капитана). Но этот странный союз, в котором каждый понимает каждого, может существовать только до тех пор, пока участники любовной драмы не переступают черту, пока они сохраняют статус кво, пока не позволяют себе стать счастливыми. Как только тяго-

тение «избирательного сродства» теряет взаимоупор, в движение приходят страшные, разрушительные механизмы безжалостной судьбы. Оттилия и Эдуард умирают, оставшиеся в живых никогда не будут вместе.

Конечно, самое рискованное, если не бессмысленное, занятие — выстраивать параллели между литературным сюжетом и реальной жизнью. Но этот сверхсовременный (при всей своей старомодности) роман словно сам провоцирует нас на такую операцию. Русская культура XIX столетия обручилась с культурой французской, но избирательное сродство всегда влекло ее к Германии. И прежде всего — к Гете, с его классическим спокойствием, взорванным изнутри страстью к разрывам. При всем том в творческом словесности куда легче найти прямые цитаты, скрытые заимствования, косвенные переклички с буйными наркотическими романтиками, на худой конец — со всемирно-историческим Шиллером, который был наделен поистине русским размахом, призывая обняться миллионы и на меньшее не соглашался. О Ницше и не говорю. Но еще раз вспомним сюжет «Избирательного сродства»: союз существует лишь

до тех пор, пока взаимное влечение остается скрытым, пока платоническая страсть не обретает исхода. Русская культура с ее безразмерностью и показной неуравновешенностью втайне тоскует по веймарской классике, по рациональной уравновешенности в той же мере, в какой потрясающе ясный Гете всегда тосковал по творческому хаосу, по нерасчетливой стихии.

Другой вопрос — читают или только по-читают наши современники своих национальных гениев, а если читают, то много или мало. Разумеется, мало. Во всяком случае меньше, чем Доценко. Но достаточно сменить сиюминутный ракурс, посмотреть на явление в исторической перспективе, чтобы понять: бестселлер, который за три года набирает миллион экземпляров, а потом навсегда исчезает с рынка, малотиражен в сравнении с «серьезным» романом или эпической поэмой, которые живут столетиями. «Из «Энеиды» два стиха» знает каждый грамотный человек; а ведь Вергилий сочинил ее две тысячи лет назад с лишком.

Что касается Гете, то двести пятьдесят лет он уже продержался. И в обозримом будущем забвение ему не грозит.